

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 4 (71)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников
Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Федоров Р.Ю., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 4 (71)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Fedorov R.Yu., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ПАНЦИРНЫХ БОЯР НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Рассмотрены специфика хозяйственной, этнокультурной и языковой адаптации переселенцев из Витебской губернии — панцирных бояр во второй половине XIX в. на территории Западной Сибири. Установлено, что важным фактором длительного сохранения переселенческой общности являлась возможность создания панцирными боярами самостоятельной сельской общины, которая не только давала возможность решать поземельные и другие хозяйственные вопросы независимо от старожилов, но и позволяла лучше сохранить исходную социальную структуру группы переселенцев. В то же время активные бытовые контакты со старожилами, включая заимствование у них приемов земледелия и отдельных элементов культуры жизнеобеспечения, способствовали успешной хозяйственной адаптации переселенцев на новом месте. Трансформации этнокультурной и языковой идентичности разных групп панцирных бояр имели существенные различия. Они были обусловлены как разнообразием этнокультурных особенностей мест выхода переселенцев, так и характером контактов с русским старожильческим населением Западной Сибири и другими группами переселенцев.

Ключевые слова: белорусские переселенцы, сельская община, этнокультурные процессы, хозяйственная адаптация, этнокультурная и языковая идентичность.

Ссылка на публикацию: Машарипова А.Х., Федоров Р.Ю. Этнокультурные аспекты адаптации панцирных бояр на территории Западной Сибири (вторая половина XIX в.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 4. С. 224–231. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-71-4-19>

Введение

Панцирными боярами называли категорию военнослуживых людей, проживавших на территории Великого княжества Литовского (Речи Посполитой). После присоединения к Российской империи Витебского, Мстиславского и Полоцкого воеводств часть панцирных бояр, доказавших свое происхождение, была причислена к русскому дворянству, остальные, не успевшие подтвердить благородное происхождение, были переведены в разряд государственных (дворцовых) крестьян [Громыко, 1991, с. 246; Федоров, 2011, с. 299–303; Акуневич, 2020, с. 8–9]. Во время переселения в Сибирь панцирные бояре утратили прежний сословный статус и привилегии, но сохранили самоназвание группы, которое закрепилось в памяти их потомков. В архивных документах данную группу переселенцев называют «бывшие панцирные бояре», «выходцы из панцирных бояр», «крестьяне из панцирных бояр», «панцирные путные бояре», «переселенцы из панцирных дворян», «витебские переселенцы» [ОГАЧО. Ф. И13, оп. 1, д. 25, л. 24–27; д. 55, л. 48; д. 56, л. 58; БУ ИсА. Ф. 3, оп. 3, д. 4070].

Одна из особенностей расселения панцирных бояр в Сибирь, влиявших на специфику происходивших в их среде этнокультурных процессов, состояла в том, что чаще всего группы переселенцев формировались из представителей одной крестьянской общины с устоявшейся социальной и родственной структурой. При этом многие панцирные бояре переселялись довольно большими семейными гнездами. На это указывают не только часто встречающиеся одинаковые фамилии переселенцев, но и связи в системе их имен и отчеств, на которые обратила внимание М.М. Громыко [1983, с. 22]. Недостаток земельных наделов на родине и недоимки, накопившиеся вследствие неурожаев, длившихся по несколько лет подряд, были основными причинами выселения панцирных бояр из Витебской губернии [РГИА. Ф. 384, оп. 3, д. 1158, л. 1–19]. По распоряжению Тобольской казенной палаты в 1849 г. первые переселенцы были определены на постоянное место жительства в Ларихинскую волость Ишимского округа Тобольской губернии. Всем семьям, прибывшим из Невельского уезда Витебской губернии, безвозмездно было выделено 700 руб. сер. — на домообзаводство (35 руб. сер. на семью). Девятнадцати семьям была одобрена ссуда в размере 380 руб. сер. (20 руб. сер. на семью) с условием воз-

* Corresponding author.

врата в течение 10 лет. Одна семья, состоящая из трех женщин, не смогла воспользоваться ссудой, по причине того, что сельское общество отказалось за них поручиться [БУ ИсА. Ф. 3, оп. 2, д. 279, л. 15 об.–16]. Спустя несколько лет переселения панцирных бояр из Витебской губернии продолжились. В 1853 г. на водворение в Ишимский округ прибыло более 300 семей. Большая часть была направлена в Локтинскую (184 семьи), Утчанскую (95 семей), Ильинскую (58 семей) и незначительная — в Сладковскую (3 семьи) волость [Там же, л. 27 об.–28]. Последние многочисленные переселения панцирных бояр относятся к 1858 г. Изначально переселенцы просили направить их в Ишимский округ, объясняя свое желание тем, что являются родственниками или односельчанами первых переселенцев, но за неимением свободных участков были направлены в Бергамакскую волость Тарского округа [Там же. Ф. 3, оп. 3, д. 4070, л. 38]. Принципы расселения и численность панцирных бояр на территории Западной Сибири были подробно рассмотрены в нашей предыдущей статье [Машарипова, Федоров, 2023].

Дошедшие до нас сведения, отраженные в литературе и архивных документах, а также немногочисленные этнографические описания, сделанные современниками, неравномерно охватывают сложившиеся в Западной Сибири места компактного проживания панцирных бояр. Однако частные примеры, которые встречаются в сохранившихся источниках, позволяют получить хотя бы общее представление о некоторых процессах адаптации к новым условиям, которые имели место в среде переселенцев на протяжении первых десятилетий их проживания в Сибири.

В 1886–1893 гг. по поручению Министерства государственных имуществ было составлено хозяйственно-статистическое описание округов Тобольской и Томской губерний, опубликованное в виде отдельных выпусков в серии «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири». Сведения о формах землепользования и крестьянском хозяйстве в Ишимском округе, включая поселения панцирных бояр, нашли отражение в работах экономиста и статистика А.А. Кауфмана [1893, 1889]. Публицист и участник народного движения 1870-х гг. Н.Е. Каронин-Петропавловский в период с 1883 по 1886 г. стал непосредственным наблюдателем быта панцирных бояр, проживавших в д. Новые Локти Локтинской волости Ишимского уезда, о чем можно прочитать в его записках [2019]. Материалы по Тарскому округу были изданы в 1892 г. под редакцией П.И. Соколова [Материалы..., 1892]. Об отдельных аспектах взаимоотношений переселенцев со старожилами дают представление архивные документы, хранящиеся в фондах областных (БУ ИсА, ОГАЧО) и центральных (РГИА) архивов (прошения, приговоры сельских сходов, списки переселенцев, справки о количестве земли и жителей). Лишь незначительная часть перечисленных источников исследована в работах М.М. Громыко [1983, 1991], Т.С. Мамсик [2000, 2011] и некоторых других авторов. Исходя из этого основную задачу данной статьи видим в восполнении существующих пробелов в изучении этнокультурных аспектов адаптации панцирных бояр на территории Западной Сибири во второй половине XIX в., которое опирается на анализ перечисленных выше архивных и литературных источников. Наш исследовательский интерес, как и у ряда других авторов, изучающих этнокультурные процессы у отдельных групп восточнославянского населения Сибири, сфокусирован на двух фундаментальных проблемах. Первая из них связана с вариативностью стратегий хозяйственной адаптации крестьян-переселенцев [Шелегина, 2006; Адаптационные механизмы..., 2006]. Вторая проблема состоит в осмыслении принципов и динамики трансформаций этнокультурной идентичности переселенческих сообществ в процессе их контактов с новым этническим окружением, изменений социального статуса и жизненного уклада [Жигунова, 2013, 2025; Сибирь и сибиряки..., 2022].

Специфика хозяйственной адаптации панцирных бояр

В разных местах компактного проживания панцирных бояр динамика и характер отдельных аспектов хозяйственной адаптации имели свои индивидуальные особенности, которые определялись внешними обстоятельствами. Как правило, первоначально переселенцев подсаляли в деревни старожилов. Большинство панцирных бояр, пройдя первые шаги адаптации, стремились основать свои поселения, однако далеко не всем удавалось образовать отдельное сельское общество.

В Ишимском уезде Локтинской волости переселенцы из панцирных бояр с 1853 по 1868 г. входили в состав Локтинского сельского общества, с которым наравне пользовались всеми земельными наделами. При распределении пахотных и сенокосных участков переселенцам достались земли не лучшего качества. Многочисленные разногласия послужили поводом к образованию отдельной деревни — Новолоктинской, в пяти верстах от с. Локтинского, в 1868 г. [РГИА. Ф. 391, оп. 1, д. 464, л. 1–1 об.]. Жители д. Новолоктинской, «крайне стесненные в землеполь-

зовании», не раз пытались доказать ограниченность своих сельскохозяйственных наделов. В своем прошении от 1898 г. Иван Лукианов Кисель указал, что в д. Ново-Локтинской пахотной и сенокосной земли приходится не более трех-двух десятин на душу, а у локтинских крестьян имеется пять десятин, хотя все подати и повинности распределяются между ними и старожилами поровну. Считая себя «крайне обиженными», переселенцы просили департамент земледелия сделать распоряжение о разграничении земель между обществами и уравнивать их в землепользовании за счет прирезки к Ново-Локтинскому сельскому обществу недостающего количества удобной земли от общества крестьян с. Локтинского [Там же, л. 2]. Неравномерное распределение пашенных наделов создавало разные формы землепользования. Так, в д. Ново-Локтинской существовал редко встречающийся земельный передел «в надорожку», комбинирующийся с отводом так называемых «не любых половин», при котором каждый душевой надел независимо от деления по сортам состоял из двух частей: «любой» и «не любой», а также с аукционом «на сбавок» [Кауфман, 1889, с. 226]. В соответствии с этим принципом «одна часть выбиралась каждым общинником по его собственному усмотрению, а другая отводилась ему по усмотрению общины или ее представителей (доверенных) с таким расчетом, чтобы недостатки последней уравнивали преимущества первой и наоборот» [Там же, с. 231]. Как правило, пашни обмерялись «стеклами» (способ обмера пашни ровными квадратными или прямоугольными участками, при котором размер «стекла» устанавливался каждой общиной самостоятельно) с распределением по сортам. Все урочища в разных сортах были «спарены». Первоначально подвергались распределению по душам только первосортные душевые полосы, которые и разбивались аукционом «на сбавку». Когда земля первого сорта была разобрана, доверенный отводил каждому общиннику землю низших сортов в тех «парных» урочищах, которые были заранее распределены общиной. Так, к лучшим по качеству пашням первого сорта — такими были, например, земли у озера Бердюгино — были приурочены пашни плохих сортов и притом удаленные друг от друга. Пашни второго сорта были расположены у границы надела с д. Мизоново, третьего сорта — у болота Шорохова. К относительно плохим пашням — у озера Пенькова — приурочены были сравнительно лучшие пашни остальных двух сортов в двух смежных урочищах и т.п. Было установлено, что каждый выбравший пашню первого сорта в том или другом урочище должен был получить землю низших сортов не иначе как на тех участках, которые «спарены» с его первосортной землей [Там же, с. 232].

В Ильинской волости у переселенцев и старожилов изначально сложились непростые отношения. Образованные селения получили свои угодья в общих с другими селениями дачах. Так, д. Копотилова разделила участок с д. Синицыной, а д. Ново-Егорьевская — с д. Викторовой. Эти две группы представляли собой сложные «подеревенные» общины, но последние относились друг к другу враждебно. В Новоегорьевско-Викторовской общине крестьяне каждого селения обмеривали каждый свою пашню «на два круга», но взаимное недоверие между ними побудило их отступить от этого порядка, и они стали производить обмер всех пашен вместе, благодаря чему производство обмера затянулось на очень продолжительное время [Там же, с. 4, 17, 170].

Распределяя между собой пахотные земли, крестьяне д. Ново-Егорьевской практиковали способ передела «на сбавок» или «на сбавку», при котором обмер земли производился одновременно с раздачей участков, начиная с лучших в данном сорте урочищ. Измеряли, как правило, «гонами» или небольшими полосками, протягивающимися поперек через весь участок («остров или урочище»), по площади равный десятине. На каждую смиренную полоску вызывались желающие. Если таковых оказывалось несколько, то между ними происходил аукцион «на сбавок», причем размер сбавки выражался торгующимися в сажнях (и частях саженей) поперечника [Там же, с. 223].

Был установлен определенный срок действительности передела. Так, приговором сельского схода от 15 апреля 1887 г. крестьяне постановили разделить платежи на все без исключения наличные души мужского пола и решили, что будут пользоваться наделом без нового передела в течение 10 лет, за исключением перемен, которые могли произойти в течение этого времени. Таким образом, они устанавливали определенный срок действительности передела, что было важно не только с сельскохозяйственной точки зрения, но ввиду возможности появления новых переселенцев, в случае которого община обеспечивала себя на установленный срок неприкосновенностью и заранее оставляла ограниченное число запасных участков [Там же, с. 161].

Описанная практика распространялась только на пахотные земли и не касалась сенокосных, которые перераспределялись каждый год. В то же время крестьянами д. Викторовой во время сельского схода от 16 апреля 1887 г. было принято решение разделить пахотную землю только между теми, кто был в состоянии оплатить все подати, волостные и сельские сборы. Но впоследствии

выяснилось, что надел имел рентную ценность, превышающую сумму лежащих на нем платежей или, по меньшей мере, равную этой сумме. Таким образом, распределение податей производилось только среди заинтересованных домохозяев, желающих принять на себя земельно-податные души, т.е. среди лиц, считающих себя способными извлечь из душевого надела доход, превышающий размеры лежащих на нем платежей [Там же, с. 48–49, 51, 163].

В юго-западной степной части Ишимского округа пашни делились по «вотчинам». В д. Гайдуковой Каменской волости более половины дворов составляли «однодушные» домохозяйства (62 из 114, или 54 %), они получали меньшее число наделов, в то время как лежащие на общине платежи («побор») были разделены на все платежные души и ценность надела не окупали. Облагался также скот, в том числе овцы. Так, для крупного рогатого скота сумма составляла 30 коп., а для овец — 10 коп. с головы. Гораздо большую сумму должны были вносить за скот посторонние для общины лица, чтобы иметь право проживать в селении. Высокий размер обложения и соблюдение ряда других условий в д. Гайдуковой призваны были прежде всего обеспечить выживание посторонних лиц [Там же, с. 79, 83–84, 125, 154].

В целом современниками отмечались примеры достаточно быстрой динамики хозяйственной адаптации панцирных бояр, которая в первую очередь опиралась на заимствования более рациональных для местных условий приемов земледелия у старожилов. Н.Е. Каронин-Петропавловский имел возможность проследить по устным рассказам процесс адаптации переселенцев на протяжении 30 лет их проживания в Сибири. В его описаниях первых лет жизни панцирных бояр в Сибири фигурируют бедность переселенцев и консервативность их хозяйственной деятельности, основанная на верности тем традициям, которые были привнесены с мест выхода. В частности, он писал, что представители первого поколения переселенцев «до последнего дня сохранили в неприкосновенности вынесенные из России обычаи и порядки. Старики, пришедшие уже сформировавшимися работниками, так и в могилу понесли лапти, и только молодежь, мало-помалу, под давлением окружающего, подчинилась новым порядкам» [2019, с. 361]. Однако уже А.А. Кауфман отмечал, что панцирные бояре, проживавшие на территории Ильинской, Локтинской и Утчанской волостей, по состоянию на начало 90-х гг. XIX в. приняли сибирские способы передела пахотных угодий и леса, а также «переняли без всяких поправок и сибирскую залежно-паровую систему полеводства, и сибирские орудия и способы обработки земли; единственная их особенность по отношению к этим последним сводится к способу запряжки борон <...> во всем остальном хлебопашество у “бояр” вполне сходно с сибирским» [1893, с. 522]. К единственной существенной особенности хозяйственной деятельности панцирных бояр А.А. Кауфман относил развитую у них культуру льноводства.

Группа панцирных бояр, поселившаяся в д. Скирла Бергамаской волости Тарского уезда, почти сразу после своего водворения в деревне приобрела дома у выбывавших из нее в Киргизскую степь местных старожилов-казаков [Громыко, 1983, с. 26; БУ ИсА. Ф. 3, оп. 3, д. 4070, л. 73]. Благодаря этой ситуации переселенцы миновали растянувшийся на десятилетия период адаптации, который был описан Н.Е. Карониным-Петропавловским. В д. Старо-Скирлинской проживали в основном старожилы, а в д. Ново-Скирлинской — переселенцы из Пермской и Витебской губерний; эти два селения составляли одну сельскую общину. По всей видимости, на тот период в Бергамаской волости хватало пахотной земли, так как все пашни находились в совместном пользовании и не распределялись, за исключением покосов, которые ежегодно подлежали переделу [Материалы..., 1892, с. 50]. Происходил он следующим образом: «...сначала все общество выходит и разбивает все луговые пространства на участки, а затем общественники разбиваются на несколько частей, смотря по участкам, и так выходит, что части бывают неодинаковые. В одной части общественников 20 душ, в другой 25 и т.д. Затем в шапке трясут деревянные жребии, кому выйдет какой участок и на какой придется садиться. После этого в каждом участке трясут жребий по хозяйствам, кому где сесть, смотря по количеству душ, кто сколько имеет. Между участками проезжают с сохами и делают межи, наконец в самих участках делают борозды между отдельными домохозяйствами» [Там же, с. 101].

Трансформации этнокультурной и языковой идентичности панцирных бояр

Важной особенностью рассматриваемых групп панцирных бояр было то, что они являлись выходцами из этноконтактной зоны, в которой разные семьи могли иметь отличную друг от друга языковую и этническую идентичность. На это, в частности, указывает исследование Т.С. Мамсик, в результате которого на примере анализа фамилий Сқырлинского общества в этническом составе панцирных бояр помимо преобладавших в нем белорусов были также выявлены от-

дельные представители этнических групп, идентифицируемых автором как литва-белорусы, поляки-белорусы, великороссы и малороссы [Мамсик, 2000, с. 62].

По переписи 1897 г., белорусский язык в качестве родного был записан только у переселенцев, проживавших на территории Утчанской волости, остальные указали русский. В Утчанской волости панцирными боярами были основаны две большие по численности деревни — Ново-Ильинская (Прудки) и Ново-Егорьевская (Коровья). В д. Ново-Ильинской на момент переписи имелось 195 дворов-хозяйств, из которых 29 хозяйств-семей отсутствовали в полном составе. Переселенцы из Витебской губернии и их потомки в графе «сословие» были записаны как «крестьяне из панцирных бояр», их родным языком был указан белорусский. Помимо белорусов (519 чел. муж. п. и 530 чел. жен. п.) в д. Ново-Ильинской проживали русские (46 чел.), малороссы (7 чел.), поляки (5 чел.) и 1 чухонка. К семьям панцирных бояр было отнесено 26 фамилий (172 семьи) [ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И417, оп. 2, д. 1288]. В д. Ново-Егорьевской имелось 168 дворов, из них 36 хозяйств-семей отсутствовали в полном составе. К примеру, Дроздецкая Афимья Антонова с двумя детьми 6 мес. и 2 лет временно находилась в д. Царевой этой же волости. Отмечено, что она происходила из государственных крестьян, а ее дети — из панцирных бояр, но все записаны русскими. Поздняков Егор Яковлев, 20 лет, проживал в д. Ново-Ильинской в семье вдовы Евдокии Яковлевны Перепечиной в качестве работника, а семья приказчика на пароходных пристанях Моисея Николаева Голубева пребывала в Тюмени; семья Фролова находилась в Томской губернии Барнаульского округа, остальные восемь семей — в неизвестной отлучке [Там же, д. 1287, 1288]. В деревне кроме белорусов (433 чел. муж. п. и 455 чел. жен. п.) проживали русские (44 чел. муж. п. и 26 чел. жен. п.) и малороссы (13 чел. муж. п. и 4 чел. жен. п.). Большинство населения составляли первопоселенцы и потомки панцирных бояр (137 дворов-семей). Две семьи Фроловых из панцирных бояр были записаны переписчиком как «русские». Семья Ивана Григорьевича Колокольникова из Пензенской губернии Городищенского уезда, родным языком которого был записан белорусский, происходила из категории государственных крестьян, а две семьи белорусов, прибывших из г. Великолукского, в одном случае были записаны как «из помещичьих крестьян», в другом — «из панцирных бояр». К семьям панцирных бояр было отнесено 19 фамилий (136 семей) [Там же, д. 1287]. По всей видимости, высокая степень гомогенности этнического состава этих деревень способствовала сохранению у их жителей белорусского языка.

Смешанные браки белорусов с русскими старожилками в конце XIX в. среди представителей этой группы переселенцев были редки, что также можно объяснить ее большой численностью. Так, в соответствии с переписью населения 1897 г., в д. Ново-Ильинской было заключено лишь десять таких браков. В качестве брачного партнера обычно выбирали жену или мужа не из ближайших населенных мест, а из среды переселенцев, прибывших из Киевской, Орловской (4 брака), Полтавской, Самарской, Смоленской и Харьковской (2 брака) губерний, родным языком которых в восьми случаях был русский, а в двух — малоросский. Родным языком детей, рожденных в смешанном браке, был записан белорусский [Там же, д. 1288]. В д. Ново-Егорьевской было зафиксировано восемь смешанных браков. Так, жена Кирилла Иванова Хадюка, родившаяся в Ялutorовском уезде, была записана русской, но пятеро их детей были записаны как белорусы. В семьях Евдокии Васильева Драздецкого и Григория Степановича Маскаленко жены были русские, но дети, рожденные в этих браках, записаны белорусами. Мужчины из двух семей малороссов Руденко, прибывших из Херсонской губернии Елисаветградского уезда, взяли в жены местных девушек, родным языком которых был белорусский. В одной семье родным языком детей записан малоросский, а в другой — белорусский. Федоров Ермолай Федорович, 56 лет, русский из кантонистов Тамбовской губернии, был женат на Дарье Андреевне, 56 лет, происшедшей из панцирных бояр (белоруске), их сын Иван, 17 лет, уже записан государственным крестьянином, указавшим родным языком белорусский [Там же, д. 1287].

Важно отметить, что среди представителей первой группы переселенцев было относительно много грамотных людей. Например, в Утчанской волости в д. Ново-Егорьевской читать умели 108 чел. (из 926 чел. муж. и жен. пола). Из них 53 чел. обучались на дому, 37 чел. — у ссыльных, 17 чел. — в полку и 1 чел. — в приходском училище [Там же, д. 1287]. В д. Ново-Ильинской уметь читать было 102 чел. (101 чел. муж. п. и 1 чел. жен. п.) из 1066 чел. муж. и жен. пола. Из них основная масса выучилась читать у ссыльных — 44 чел., 28 чел. указали, что научились читать дома, 25 чел. обучались грамоте в полку во время прохождения военной службы. В переписи населения были лица, указавшие, что получали образование в специализированных учреждениях, по одному случаю: в сельском министерском училище, городском училище, тю-

Этнокультурные аспекты адаптации панцирных бояр на территории Западной Сибири...

менской женской гимназии. По одному случаю встретились сведения от опрошенных, что обучались грамоте «у причетника и самоучка» [Там же, 1288]. В семье Хадюка Кирилла Иванова трое сыновей, 17, 12 и 10 лет, обучались грамоте у ссыльного, а брат — в полку. Умение читать давало возможность занимать некоторые должности [Там же, 1287]. Так, Голубев Моисей Николаев, 37 лет, занимал должность приказчика на пароходной пристани, Фролов Павел Пахомов, 45 лет, был сельским старостой, а Панфиленков Мирон Филимонов, 35 лет, — сельским писарем [Там же]. Таким образом, возможность обучения грамоте в Сибири можно рассматривать в качестве одного из факторов смены этнокультурной и языковой идентичности панцирных бояр. Однако в большинстве случаев на их трансформации могли оказать влияние сформулированные Е.Ф. Фурсовой ситуации вытеснения, перманентности и стабильности (однородности) этнокультурного состава деревни, которые зависели от процентного соотношения старожилов и разных групп переселенцев [Белорусы в Сибири..., 2011, с. 350–352]. Исходя из этого наиболее вероятно предположить, что в Ларихинской волости Ишимского уезда ввиду преобладания подселившихся переселенцев из Курской губернии к моменту переписи населения 1897 г. языковая идентичность панцирных бояр сместилась в сторону русского языка. Похожая ситуация сложилась в Меньшиковской волости Курганского уезда и Ильинской волости Ишимского уезда ввиду немногочисленности группы панцирных бояр, проживавшей в окружении старожилов или переселенцев из других регионов. В то же время панцирные бояре, поселившиеся в Утчанской волости Ишимского уезда, в течение 45 лет проживания на новом месте продолжали считать родным белорусский язык, за счет того что эта группа сохранила значительную численность и высокую степень гомогенности.

Выводы

Изучение рассмотренных источников показывает, что в этнокультурном аспекте в адаптации панцирных бояр на территории Западной Сибири ключевую роль играло их взаимодействие с русским старожильческим населением. Важным фактором длительного сохранения переселенческой общности являлась возможность создания панцирными боярами самостоятельной сельской общины, которая не только давала возможность решать поземельные и другие хозяйственные вопросы независимо от старожилов, но и позволяла лучше сохранить исходную социальную структуру группы переселенцев. В то же время активные бытовые контакты со старожилами, включая заимствование у них приемов земледелия и отдельных элементов культуры жизнеобеспечения, способствовали успешной хозяйственной адаптации переселенцев на новом месте. Трансформации этнокультурной и языковой идентичности разных групп панцирных бояр имели существенные различия. Они были обусловлены как разнообразием этнокультурных особенностей мест выхода переселенцев, так и характером контактов с русским старожильческим населением Западной Сибири и другими группами переселенцев.

Финансирование: Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, № FWRZ-2021-0006.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах.* Новосибирск: Новосиб. ун-т, 2006. 168 с.
- Акуневич В.В.* Эволюция правового положения панцирных бояр в Великом княжестве Литовском и Российской империи // *Universum: Общественные науки.* 2020. № 12 (70). С. 7–10.
- Белорусы в Сибири: Сохранение и трансформации этнической культуры.* Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.
- Громько М.М.* Община в процессе переселения «панцирных бояр» Себежского уезда в Сибирь // *Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.).* Новосибирск: Наука, 1983. С. 19–31.
- Громько М.М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 с.
- Жигунова М.А.* Российские переселенцы в Сибири: Этнокультурный аспект // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России.* 2013. № 2. С. 75–86.
- Жигунова М.А.* Изучение и динамика этнокультурной идентичности восточнославянских народов Сибири и Северного Казахстана // *Фундаментальная наука и приоритеты XXI века: Материалы междунар. науч.-практ. конф.* Астана: Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, 2025. С. 443–449.
- Каронин-Петропавловский Н.Е.* Очерк переселений // *Тобольск и вся Сибирь.* Кн. 30: Белорусы в Сибири. Т. 2. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2019. С. 357–367.
- Кауфман А.А.* Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири: Вып. 1: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Ишимского округа Тобольской губернии. Ч. 2. СПб., 1889. 498 с.

Кауфман А.А. К вопросу о культурной роли переселенцев в Сибири и их отношениях к сибирякам-старожилам // Пути-дорога. 1893. VIII. С. 513–530.

Мамсик Т.С. «Откуда мы родом...»: (Скырлинское поселение белорусов) // Белорусы в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. Вып. 2. С. 53–73.

Мамсик Т.С. Из воспоминаний потомка панцирных бояр // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. С. 198–205.

Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тарского округа Тобольской губернии / Исслед. П.И. Соколова. Вып. XVI. Ч. 2. СПб., 1892. 192 с.

Машарипова А.Х., Федоров Р.Ю. Особенности расселения и численность панцирных бояр в Тобольской губернии во второй половине XIX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2023. № 4. С. 220–229. <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2023-63-4-18>.

Федоров Р.Ю. Особенности взаимодействий со старожильской средой белорусов — «панцирных бояр» Зауралья // Полевые исследования в верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Барнаул: Изд-во Алт. пед. ун-та, 2011. С. 299–303.

Шелегина О.Н. Результаты и перспективы изучения адаптационных процессов в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири (XVIII — начало XX века) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2. С. 116–125.

Сибирь и сибиряки: Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX — начало XXI в.) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; Отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 284 с.

ИСТОЧНИКИ

БУ Иса — Государственный архив Омской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 279; Оп. 3. Д. 4070.

ГБУТО ГА в г. Тобольске — Государственный архив в г. Тобольске. Губернский статистический комитет, г. Тобольск. Ф. И417. Оп. 2. Д. 1287, 1288.

ОГАЧО — Государственный архив Челябинской области. Заведующий передвижением переселенцев по Европейской России и Западной Сибири Министерства земледелия Российской империи; г. Челябинск Челябинского уезда Оренбургской губернии. Ф. И13. Оп. 1. Д. 25, 55, 56, 58.

РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 384. Оп. 3. Д. 1158; Ф. 391. Оп. 1. Д. 464.

Masharipova A.Kh. *, Fedorov R.Yu.

Tyumen Scientific Centre SB RAS, Chervishevskiy trakt st., 13, Tyumen, 625008, Russian Federation

E-mail: esenewka@yandex.ru (Masharipova A.H.); r_fedorov@mail.ru (Fedorov R.Yu.)

Ethnocultural aspects of adaptation of the Armoured Boyars in Western Siberia (second half of the 19th century)

The paper examines the economic, ethnocultural and linguistic adaptation of the settlers from the Vitebsk Governorate, known as the armoured boyars in Western Siberia in the second half of the 19th century. It has been established that key factor in the long-term preservation of the settler community was the ability of the armoured boyars to establish an independent rural association. This structure not only allowed them to resolve land and other economic issues independently of the old-timers, but also helped to preserve the original social organisation. At the same time, active everyday contacts with the old-timers, including the adoption of farming techniques and certain elements of the culture of subsistence, supported the settlers' successful economic adaptation. The transformations of the ethnocultural and linguistic identity of different groups of armoured boyars varied significantly. These differences arose from the diversity of ethnocultural characteristics of the places of origin of the migrants, as well as from the nature of their interactions with the Russian old-timers of Western Siberia and other settler groups.

Keywords: Belarusian migrants, Western Siberia, rural community, ethnocultural processes, economic adaptation, ethnocultural and linguistic identity.

Funding. This research has been supported by the state task of Tyumen Scientific Centre SB RAS No. FWRZ-2021-0006.

REFERENCES

Akunevich, V.V. (2020). The Evolution of the Legal Status of Armor-Clad Boyars in the Grand Duchy of Lithuania and the Russian Empire. *Universum: obschestvennye nauki*, 70(12), 7–10. (Рус.).

Fursova, E.F. (Ed.) (2011). *Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture*. Novosibirsk: Izdatelstvo Instituta arheologii i etnografii SO RAN. (Рус.).

---

* Corresponding author.

Этнокультурные аспекты адаптации панцирных бояр на территории Западной Сибири...

- Fursova, E.F. (Ed.) (2022). *Siberia and Siberians: Ethnocultural identity of Russians and other East Slavs people in Siberia* (19th — beginning 21st centuries). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. (Rus.).
- Gromyko, M.M. (1983). The community in the process of relocating the “Armoured boyars” of the Sebezhd district to Siberia. In: *Obshchestvennyj byt i kul'tura russkogo naseleniya Sibiri (18 — nachalo 20 v.)*. Novosibirsk: Nauka, 19–31. (Rus.).
- Gromyko, M.M. (1991). *World of the Russian village*. Moscow: Molodaya gvardiya. (Rus.).
- Karonin-Petropavlovskij, N.E. (2019). Essay on resettlement. In: *Tobol'sk i vsya Sibir'. Kn. 30: Belorusy v Sibiri. T. 2*. Tobol'sk: Vozrozhdenie Tobol'ska, 357–367. (Rus.).
- Kaufman, A.A. (1889). *Materials for the Study of the Economic Life of State Peasants and Indigenous Peoples of Western Siberia. Issue 1: The Economic Life of State Peasants and Indigenous Peoples of the Ishim District of the Tobolsk Province. Vol. 2*. Saint-Petersburg. (Rus.).
- Kaufman, A.A. (1893). *On the question of the cultural role of immigrants in Siberia and their relations with old-timers Siberians*. In: *Put'-doroga*, 8, 513–530. (Rus.).
- Mamsik, T.S. (2000). “Where we come from...”: (Skyrlinsky settlement of Belarusians). In: *Belorusy v Sibiri. Vyp. 2*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 53–73. (Rus.).
- Mamsik, T.S. (2011). From the memories of a descendant of Armoured boyars. In: *Sovremennye tendencii v razvitii muzeev i muzeevedeniya: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 198–205. (Rus.).
- Shelegina, O.N. (2006). Results and prospects of the studying of adaptation processes in culture of subsistence of the Russian population of Siberia (18th — beginning 20th centuries). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, (2), 116–125. (Rus.).
- Shelegina, O.N. (Ed.). (2006). *Adaptation mechanisms and practices in traditional and transforming communities*. Novosibirsk: Novosibirsk universitet. (Rus.).
- Sokolov, P.I. (Ed.) (1892). *Materials for the study of the economic life of state peasants and foreigners in Western Siberia: The economic life of state peasants and foreigners in the Tarsky District of the Tobolsk Province. Issue 16. Vol. 2*. St. Petersburg. (Rus.).
- Masharipova, A.Kh., Fedorov R.Yu. (2023). Specifics of settlement and numbers of armoured boyars in the Tobolsk Governorate in the second half of the 19th c. *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii*, (4), 220–229. (Rus.).
- Fedorov, R.Yu. (2011). Armoured boyars in Western Siberia: Settlement models. In: *Belorusy v Sibiri: Sohranenie i transformacii etnicheskoj kul'tury*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 18–23. (Rus.).
- Zhigunova M.A. (2013). Russian migrants in Siberia: Ethnocultural aspect. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seria Istoria Rossii*, (2), 75–86. (Rus.).
- Zhigunova M.A. (2025). Studying and dynamics of ethnocultural identity of the East Slavs people of Siberia and Northern Kazakhstan. In: *Fundamental'naja nauka i priority 21th century: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Astana: Kazhstanskij filial Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova, 443–449. (Rus.).

Машарипова А.Х., <https://orcid.org/0000-0003-4374-1151>

Федоров Р.Ю., <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

Сведения об авторах:

Машарипова Анжела Хайрулловна, научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

Федоров Роман Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень.

About the authors:

Masharipova, A.Kh., Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

Fedorov, R.Yu., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Tyumen Scientific Centre SB RAS, Tyumen.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted 02.10.2025

Article is published: 15.12.2025